
ВИКТОРИЯ СЕВЕРИНА
ИЗМЕНА.
ЗА МНОЙ
ТЫ НЕ ВЕРНУЛСЯ

Виктория Северина

Измена: За мной ты не вернулся

«Литнет»
2026

Северина В.

Измена: За мной ты не вернулся / В. Северина — «Литнет», 2026

Пока я с травмированной ногой ждала мужа в горах, он проводил ночь с любовницей. А я молилась, чтобы он был жив: ведь он ушёл за помощью и обещал вернуться до темноты.«Ты могла подождать до утра», — заявил он в больнице. Помощь была рядом, машина и люди — тоже. Просто после двадцати четырёх лет брака моё ожидание оказалось для него менее важным, чем вечер с другой.Теперь он требует, чтобы я подтвердила: остаться в горах было моим решением. Правда может стоить ему долгожданного назначения, и муж уверен, что я снова его прикрою. Только я уже попросила его начальника о встрече. И рассказ начну с того, о чём Эдуард предпочёл умолчать.

© Северина В., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Я вернусь до темноты 5
Глава 2. Ночь, в которую я боялась за тебя 14
Глава 3. Ты могла подождать до утра 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Глава 1. Я вернусь до темноты

Ася сидела на узкой деревянной лавке и смотрела, как Эдуард расшнуровывает её ботинок. Он опустился перед ней на одно колено, придерживал пятку ладонью и вытягивал шнурок из тугой петли с такой сосредоточенностью, будто от этого простого движения зависело гораздо больше, чем возможность снять обувь. На его виске выступила испарина. Ася заметила её раньше, чем снова почувствовала боль, и потянулась к мужу, чтобы убрать прилипшую к коже прядь, но он чуть повернул голову, продолжая возиться с ботинком. Под подошвой шуршала налипшая хвоя. Где-то за стеной ветер двигал сухую ветку, и она раз за разом задевала крышу домика.

- Если будет больно, скажи, — предупредил Эдуард, поднимая на неё глаза. Он дождался кивка и осторожно потянул ботинок на себя, стараясь удержать ногу в прежнем положении. Ася всё равно резко втянула воздух и вцепилась пальцами в край лавки. Муж остановился, посмотрел на её руку, затем на лицо. — Придётся снять. Потом распухнет сильнее, совсем не вытащим.

Она кивнула ещё раз и отвернулась к окну. За мутным стеклом виднелись стволы, уходившие вниз по склону, и светлое пятно неба между ними. Ася попыталась сосчитать деревья, чтобы переждать, пока Эдуард снимет ботинок, но уже на третьем сбилась. Боль прострелила от щиколотки вверх, заставила её податься вперёд, и муж сразу положил свободную руку ей на колено. Он попросил посидеть спокойно. Голос у него был знакомый, уверенный; таким голосом он обычно объяснял растерявшимся людям, куда ставить ногу и за что держаться.

Когда ботинок наконец оказался на полу, Ася посмотрела на ступню. Носок от земли и хвои потемнел, а над его краем уже выступала припухлость. Ей захотелось натянуть штанину обратно и сказать, что всё обойдётся, но Эдуард осторожно отогнул ткань и нахмурился. Он коснулся кожи двумя пальцами, спросил, где болит сильнее, и Ася показала. При следующем прикосновении она дёрнулась прежде, чем успела себя удержать. Муж убрал руку и некоторое время молча разглядывал щиколотку.

- Я же почти дошла сюда сама, — сказала она, хотя прекрасно помнила, как висела на его плече последние несколько десятков шагов. Эдуард поднял голову, и под его взглядом ей стало неловко за эту попытку спорить с очевидным. Она провела ладонью по лавке, смахивая сухую крошку древесины. — Может быть, просто посидим немного? Я отдохну, потом попробуем потихоньку.

- Сюда было близко, — ответил он и поднялся, упираясь рукой в колено. У двери Эдуард остановился, посмотрел на тропу, после чего вернулся к ней. — А до базы далеко. На спуске ты будешь всё время попадать весом на эту ногу. Пойдёшь через боль, станет хуже, и тогда застрянем где-нибудь между камнями. Здесь хотя бы крыша есть.

Ася опустила глаза. Ещё утром она представляла этот день совсем иначе: они неспешно вернутся к вечеру, поужинают вдвоём и начнут собирать вещи, а завтра уедут домой. Основная программа закончилась накануне. Туристы разъехались, на базе стало непривычно тихо, и теперь можно было никого не ждать, не пересчитывать людей перед выходом, не подстраиваться под тех, кому то жарко, то холодно, то необходимо немедленно найти зарядку для телефона. Она специально оставила на последний день чистую рубашку и мягкие брюки, в которых Эдуард любил видеть её дома. Хотелось наконец побыть его женой, а не человеком, который терпеливо сидит в стороне, пока он заканчивает очередной разговор.

Всю поездку у мужа находились дела. Утром его останавливали возле столовой, днём искали на тропе, вечером звали посмотреть фотографии или решить, во сколько завтра выходить. Ася понимала, что он работает. Она сама привыкла отвечать людям, когда рабочий день вроде бы уже закончился, и знала, как трудно оставить без внимания встревоженного человека.

Только у Эдуарда каждый такой разговор незаметно переходил в следующий. За ужином он садился рядом с ней, успевал спросить, как она себя чувствует, а потом поворачивался к кому-нибудь через стол и мог больше не вспомнить о её ответе.

Особенно часто рядом оказывалась Эльвира. Фотограф то показывала ему снимки на экране, то просила пройти с ней к окну, где лучше виден свет, то вспоминала какой-нибудь смешной случай, которого Ася не знала. Эльвира говорила быстро, смеялась легко и никогда не выглядела человеком, который боится отнять чужое время. Эдуард слушал её охотно. Он наклонялся к экрану, что-то указывал пальцем, спорил, иногда отбирал у неё телефон, чтобы приблизить фотографию, и в такие минуты казался моложе. Ася несколько раз ловила себя на том, что следит за ними, после чего сердито отворачивалась. Ей не нравилось собственное выражение лица: напряжённое, выжидающее, будто она пришла на чужой праздник и теперь надеялась, что её тоже заметят.

Накануне вечером она всё-таки попросила его о прогулке. Эдуард сидел на кровати в их комнате, просматривая фотографии, и Ася сначала убрала с кресла его вещи, потом сложила свою кофту, а затем поняла, что опять ищет удобную минуту. Удобная минута не наступала. Она села рядом, положила руку ему на предплечье и дождалась, пока он посмотрит на неё.

- Давай завтра уйдём вдвоём, — предложила Ася. Она постаралась сказать это легко, но ладонь на его руке оказалась слишком неподвижной, и ей пришлось сознательно разжать пальцы. — Куда-нибудь недалеко. Без компании. Мы скоро уедем, а я тебя толком и не видела.

- Ты же всё время здесь, — удивился Эдуард, повернув телефон экраном вниз. Он посмотрел на неё внимательнее, заметил, видимо, что она ждёт другого ответа, и усмехнулся. — Ну хорошо. Пройдёмся. Только с утра мне надо закончить кое-что, раньше одиннадцати не выйдем.

Она согласилась сразу. Даже не стала объяснять, что находиться рядом и проводить время вместе для неё давно перестало быть одним и тем же. Эдуард убрал телефон на тумбочку, потянул её к себе, и Ася легла щекой ему на плечо. Несколько минут они действительно говорили только о своём: о дороге домой, о продуктах, которые придётся купить, о кране на кухне, снова начавшем подтекать. Ей стало спокойно от этих привычных, почти скучных вещей. В них существовала их общая жизнь, к которой можно было вернуться после всех чужих голосов.

Утром муж выполнил обещание. Немного задержался, но к полудню они уже шли по тропе, и Ася постепенно перестала прислушиваться, не позвонит ли у него телефон. Эдуард показывал ей места, мимо которых группа прошла слишком быстро, рассказывал, как однажды пришлось уговаривать упрямого участника вернуться с маршрута, и время от времени придерживал её за локоть. На солнечном участке она расстегнула куртку. Воздух пах нагретой хвоей, под ногами лежали сухие листья, и за деревьями то открывались, то снова исчезали дальние склоны. Ася поймала себя на том, что улыбается просто потому, что идёт рядом с ним.

Они остановились поесть на плоском камне, и Эдуард достал из рюкзака бутерброды, которые она сделала утром. Он похвалил сыр, хотя сыр был самым обыкновенным, купленным в магазине по дороге на базу, и попросил дома приготовить ту рыбу, которую Ася обычно запекала с луком. Она рассмеялась и сказала, что сначала он сам почистит противень после последнего раза. Муж пообещал, не особенно задумавшись, и тоже засмеялся. В тот момент ей показалось, что она зря обижалась последние дни. Он был уставшим, занятым, увлечённым работой, но сейчас сидел напротив, ел её бутерброд и обсуждал будущий ужин так, будто ничего между ними не изменилось.

На обратном пути Ася поскользнулась. До этого она без труда проходила и по корням, и по камням, а здесь нога неожиданно ушла в сторону на невысоком уступе. Она успела схватиться за ветку, но та хрустнула под ладонью. Эдуард обернулся на звук уже после того, как Ася упала на бок и прижала к себе согнутую ногу. Первые несколько секунд она почти не чув-

ствовала боли, только удивление и досаду. Потом попыталась встать, и щиколотку обожгло так сильно, что пришлось снова сесть на землю.

Муж помог ей подняться. Она держалась за него обеими руками, старалась попасть здоровой ногой на ровное место и всё повторяла, что сейчас пройдёт. Эдуард сначала предложил проверить, сможет ли она идти, но после нескольких шагов посмотрел в сторону небольшого ответвления. Укрытие стояло чуть выше тропы, за деревьями. Ася до сих пор помнила, как он поддерживал её под мышками, а она, уже не споря, переставляла здоровую ногу и боялась наступить на вторую. Добравшись до лавки, она почувствовала такое облегчение, что на минуту даже решила: худшее позади.

Теперь Эдуард стоял возле маленького стола и рассматривал помещение. Домик был рассчитан на случай непогоды: две лавки вдоль стен, стол, несколько крючков возле входа. В одном углу стояла пустая жестяная банка, в другом лежала скрученная верёвка. Между досками кое-где проходил свет, но крыша выглядела целой, а дверь закрывалась плотно. Никакой печки здесь не было. Ася раньше видела подобные укрытия только издали и никогда не задумывалась, каково оставаться внутри надолго.

- Я спущусь за людьми, — сказал Эдуард, наконец повернувшись к ней. Он говорил уже тем деловым тоном, который означал, что решение принято и теперь осталось распределить действия. — Привезём машину к нижней дороге. Оттуда поднимемся сюда, заберём тебя и спустим. Одному мне тебя через весь этот участок не унести.

Ася посмотрела на него, потом на ботинок возле лавки. Она понимала, что он прав, но от слов «я спущусь» внутри неприятно сжалось. Пока муж был рядом, повреждённая нога казалась общей неприятностью, с которой они вместе справятся. Стоило представить, как дверь закроется за ним, и домик сразу сделался чужим. Ася оглядела низкий потолок, потемневшие доски, маленькое окно. Ей стало стыдно за желание попросить его остаться.

- А позвонить отсюда совсем никак? — спросила она, доставая телефон из кармана куртки. На экране не было связи, и всё же Ася повернула его к окну, словно это могло что-то изменить. — Может быть, у двери получится? Ты бы объяснил, где мы, и кто-нибудь пришёл.

Эдуард проверил свой телефон, подошёл к окну, затем вышел наружу. Ася слышала его шаги по камням и смотрела на пустой дверной проём. Он задержался ненадолго, вернулся и покачал головой. Здесь связь пропадала и раньше, объяснил муж; на этом ответвлении ждать звонка бесполезно. Кроме того, работники базы знали основную тропу, а к укрытию вёл менее заметный поворот. Он должен был сам привести их сюда.

- С машиной всё получится? — уточнила Ася. Она спросила это только потому, что ей хотелось знать, когда он вернётся, но Эдуард чуть поднял брови, и она сразу добавила: — Я понимаю, ты лучше знаешь. Просто если водитель уехал…

- Пётр на базе, — ответил муж. Он убрал телефон и посмотрел на часы. — Туристов уже всех отвезли. Машина есть, люди есть. Я сейчас быстро вниз, потом часть пути проедем. От дороги сюда останется подняться пешком. Вдвоём со мной тебя спокойно спустят, там уже посадим в машину.

Он объяснил путь ещё раз, на этот раз короче, показывая рукой в сторону двери. Ася слушала и постепенно успокаивалась. Эдуард уверенно говорил о местах, которые только что видел собственными глазами, о людях, которых знал много лет, и о машине, стоявшей возле базы. Она представила, как они возвращаются втроём, как муж заглядывает в домик первым и шутит, что можно было устроиться поудобнее. Дальше оставалось потерпеть неприятный спуск и, наверное, съездить показаться врачу. С этим она могла справиться.

- Сейчас без четверти четыре, — сказал Эдуард. Он повернул запястье к ней, хотя Ася и так видела время на телефоне. — Часа два. Скорее всего, быстрее, но лучше рассчитывай на два. До темноты успеем.

Она посмотрела в окно. Свет ещё лежал на стволах, а высоко между ветвями было видно спокойное, бледно-голубое небо. Внизу, возле базы, наверное, оставалось совсем тепло. Ася вспомнила, что утром собиралась выпить кофе на открытой веранде, но они так и не успели туда сесть. Теперь кофе придётся отложить. Эта мелкая, понятная потеря почему-то помогла ей окончательно принять случившееся: день испорчен, но закончится, и вечером они всё равно окажутся в своей комнате.

Эдуард раскрыл рюкзак и начал выкладывать вещи на стол. Бутылку воды он поставил ближе к Асе, рядом положил оставшийся бутерброд, яблоко и начатую шоколадку. Затем достал сухую кофту на молнии. Кофта была его, с потёртым краем возле кармана; Ася узнала её сразу и потянулась за ней, пока муж ещё держал ткань в руках. Утром она сама посоветовала взять что-нибудь тёплое, хотя Эдуард собирался ограничиться ветровкой. Теперь ей стало приятно, что он послушал.

- Надень пока, — сказал он, помогая ей попасть рукой в рукав. Ася подвинулась, чтобы дать ему место, и муж застегнул молнию почти до подбородка. Он проверил, удобно ли ей сидеть, после чего свернул рюкзак и подложил под голень. — Ногу держи повыше. Воду оставлю здесь, чтобы не тянуться через весь стол. Поешь, если проголодаешься.

Ася смотрела на его руки. Двадцать четыре года рядом с одним человеком давали странную привычку узнавать его по самым незначительным движениям. Она знала, как он поправляет часы, прежде чем взяться за что-нибудь тяжёлое, как убирает большой палец под ладонь, когда мёрзнет, как проводит по её рукаву, если замечает нитку. Сейчас он делал всё быстро, не задерживаясь на ласке, но его пальцы несколько раз коснулись её запястья. Этого оказалось достаточно, чтобы Ася почувствовала себя спокойнее. Она взяла мужа за руку раньше, чем он успел отойти.

- Прости, — сказала она, разглядывая знакомые костяшки пальцев. Эдуард слегка сжал её ладонь и вопросительно посмотрел на неё. — Я так хотела нормально провести этот день. Вытащила тебя, а теперь ещё заставляю бегать туда-сюда. У тебя и без меня дел хватает.

- Ась, ты же специально не падала, — ответил он. В голосе мелькнула усталость, но муж всё-таки наклонился и поцеловал её в лоб. — Сейчас всё решим. Только больше ничего не придумывай. Сиди здесь и жди меня.

Она улыбнулась, хотя глаза неожиданно защипало. Ей хотелось сказать, что дело не только в падении, что этот день был нужен ей гораздо сильнее, чем он представлял. Но Эдуард уже выпрямился и потянулся за ветровкой. Ася отпустила его руку. Разговаривать об их последних вечерах сейчас было глупо: он собирался за помощью, а она сидела с распухшей ногой и радовалась его вниманию почти так же сильно, как когда-то радовалась первым совместным выходным.

Муж застегнул ветровку, проверил карманы и ещё раз оглядел стол. Свой рюкзак он оставил возле неё. Затем подошёл к двери и придержал её ногой, впуская прохладный воздух. Ася сразу почувствовала, насколько теплее стало в кофте, и запахнула её плотнее. Эдуард посмотрел на это движение, будто убедился, что сделал всё необходимое.

- Следом не иди, — повторил он. Ася подняла глаза и увидела, что теперь он говорит серьёзно, без улыбки. — Даже если покажется, что стало легче. Здесь тебя легко найти, а на тропе только больше намучаешься. Я вернусь до темноты. Дверь прикрой, чтобы не тянуло.

- Я буду здесь, — пообещала она. Ей хотелось встать, проводить его хотя бы до порога, но нога отозвалась болью уже при попытке опустить её с рюкзака. Ася осталась на месте и подняла руку. — Спасибо, Эдик. И смотри под ноги, ладно? Я сегодня за нас двоих уже отличилась.

Он усмехнулся, кивнул и вышел. Несколько секунд в проёме ещё виднелась его спина, потом Эдуард повернул за деревья и исчез. Ася слышала, как под его подошвами хрустит мелкий камень. Шаги быстро удалялись; он действительно шёл гораздо быстрее, чем они шли вместе. Она дождалась, пока звук стихнет, затем осторожно спустила здоровую ногу на пол и,

держась за край стола, добралась до двери. Закрыть её оказалось сложнее, чем представлялось: при каждом движении тела повреждённая щиколотка болезненно отзывалась, хотя Ася старалась совсем на неё не наступать.

Вернувшись на лавку, она устроила ногу на рюкзаке и несколько минут просто сидела. После суеты стало тихо. Где-то далеко перекликались птицы, в щели возле окна проходил свет, а на столе лежали продукты, разложенные мужем. Ася посмотрела на бутылку, на бутерброд, на его кофту и вдруг почувствовала совсем неуместную радость. Он позаботился о ней. Сейчас спускался к базе, наверное, уже прикидывал, кого взять с собой, и сердился только на потерянное время. Она могла спокойно ждать.

Ася расстегнула верх кофты и поправила воротник. От ткани слабо пахло их стиральным порошком и Эдуардом — знакомым запахом, который оставался на его вещах даже после стирки. Дома она иногда надевала эту кофту ранним утром, если вставала раньше мужа и шла на кухню открыть окно. Эдуард ворчал, что она растягивает рукава, хотя никогда всерьёз не забирал её обратно. Ася вспомнила это и улыбнулась. В домике улыбаться было некому, но ей всё равно стало легче.

Первые полчаса прошли быстро. Она выпила несколько глотков воды, попыталась осторожно пошевелить пальцами ноги и убедилась, что лучше пока ничего не трогать. Носок пришлось немного приспустить: край давил на припухшую кожу. Ася положила ботинок на лавку рядом, чтобы потом не наклоняться за ним, и распустила шнурки шире. Теперь обувь выглядела чужой, слишком тесной для её ступни. Она посмотрела на оба ботинка, один на здоровой ноге и второй рядом, и невольно рассердилась на себя за нелепость случившегося.

Обычно она была осторожной. На работе могла по нескольку раз проверить, правильно ли записала данные после проверки зрения, прежде чем передать их дальше; дома замечала мокрый след возле раковины раньше, чем кто-нибудь успевал на нём поскользнуться. Здесь же прошла по сложным участкам и упала там, где уже почти перестала смотреть под ноги. Ася вспомнила движение камня под подошвой, своё удивление, хруст ветки. Она попыталась понять, могла ли удержаться, если бы шагнула немного иначе, но быстро остановила себя. От этих раздумий нога болела сильнее, а исправить уже ничего было нельзя.

Она достала телефон. Связи по-прежнему не было, зато на экране открылась фотография, которую Эдуард сделал возле большого камня перед обедом. Ася стояла в расстёгнутой куртке, придерживала рукой волосы и смеялась, потому что муж велел ей смотреть серьёзнее. Сейчас она удивилась собственному лицу. На снимке совсем не было той напряжённости, с которой она последние дни разглядывала отражение в зеркале их комнаты. Она приблизила фотографию, затем снова уменьшила. Эдуард успел сделать только один кадр, но кадр получился хорошим.

Ася подумала, что вечером попросит прислать ей остальные снимки с поездки. У Эльвиры наверняка были фотографии, на которых они с мужем стоят вместе. Она помнила, как фотограф снимала группу перед последним выходом: попросила всех подвинуться, потом сказала Эдуарду встать ближе к Асе. Муж положил руку ей на плечо, и она повернулась к нему, пока остальные смотрели в объектив. Такой снимок ей бы понравился. Можно было оставить его на телефоне, а может быть, даже распечатать и поставить дома возле книг.

Вечером, конечно, придётся сначала заняться ногой. Ася представила, как они вернутся на базу, как Эдуард принесёт ей чай, пока она сидит на кровати и пытается удобно устроить ступню на подушке. Он, вероятно, начнёт рассказывать, сколько лишних вещей женщины берут в поездки, когда придётся собирать её сумку. Она поспорит, потом позволит ему уложить всё самому. В их браке было множество таких маленьких столкновений, после которых никто не уходил и не переставал разговаривать. Сейчас хотелось именно этого привычного вечера, даже если весь он пройдёт с ноющей ногой.

Чуть позже Ася съела половину бутерброда. Хлеб успел подсохнуть по краям, но сыр всё ещё был мягким. Она завернула оставшуюся часть и положила ближе к бутылке, чтобы крошки не сыпались на пол. Яблоко трогать не хотелось. Пить тоже особенно не тянуло, однако она сделала ещё несколько глотков и завернула крышку. Потом снова посмотрела на время. Прошёл почти час, и Ася начала представлять, где сейчас может находиться Эдуард.

Наверное, уже пришёл. Зашёл на базу, попросил кого-нибудь найти Петра, объяснил, что случилось. Ей стало неприятно при мысли, что придётся рассказывать о своём падении другим людям. Когда они появятся, она наверняка опять начнёт извиняться, хотя никто не заставлял её падать и никто не мог ждать от неё полной неуязвимости. Эдуард часто говорил, что она слишком много берёт на себя. Правда, обычно говорил это уже после того, как она всё сделала, и Ася не всегда понимала, какие именно дела он готов забрать.

Она попыталась сесть удобнее, подвинула рюкзак и подтянула к себе край кофты. Лавка оказалась жёсткой, а спина начала уставать от неподвижности. Ася осторожно повернулась боком и прислонилась плечом к стене. В таком положении было легче смотреть в окно. Свет между деревьями уже изменился: на одном стволе лежала узкая золотистая полоса, тогда как нижняя часть склона казалась темнее. Она немного пожалела, что не попросила мужа подойти к ней перед уходом ещё раз. Хотелось удержать в памяти его лицо, а вспоминалась почему-то в основном спина в застёгнутой ветровке.

За стеной послышался сухой треск. Ася выпрямилась, сразу забыв о неудобной лавке, и прислушалась. Через несколько секунд звук повторился, но шагов за ним не последовало. Ветер двигал ту самую ветку возле крыши. Она посмотрела на дверь и усмехнулась собственной поспешности. До обещанного времени оставалось ещё достаточно, а она уже была готова звать мужа из-за каждого шороха.

Когда небо в окне потускнело, Ася заметила это не сразу. Сначала ей показалось, что просто стало прохладнее. Она застегнула кофту, сунула ладони в рукава и некоторое время продолжала разглядывать фотографию. Потом подняла голову и увидела, что золотистая полоса на стволе исчезла. Между ветвями теперь лежало ровное серое небо. Ветер стал заметнее: щель возле окна тихо посвистывала, а дверь пару раз шевельнулась в петлях.

Ася убрала телефон на стол и посмотрела на ногу. Щиколотка распухла сильнее, кожа натянулась, и ей стало тревожно от собственного бездействия. Хотелось сделать хоть что-нибудь полезное: приложить холодное, позвонить, объяснить врачу, что произошло. Она взяла бутылку, подержала её в ладонях, затем поставила обратно. Вода уже не была достаточно холодной, да и возиться с ногой на узкой лавке не хотелось. Скоро придут люди, сказала она себе. Тогда можно будет заняться всем как следует.

До двух часов оставалось около двадцати минут, когда по крыше застучали первые капли. Звук оказался громким для такого небольшого домика. Ася подняла голову, посмотрела на потолок и подождала, не начнёт ли капать внутрь. Крыша держала. Дождь пока был редким, отдельные капли падали с паузами, и она подумала, что Эдуард наверняка уже поднялся от дороги. Может быть, именно сейчас объясняет работникам, где свернуть, а те стараются идти быстрее, чтобы не промокнуть.

Она взяла телефон и всё-таки попробовала позвонить. На экране почти сразу появилось сообщение, что вызов невозможен. Ася поднесла аппарат ближе к окну, попробовала ещё раз, потом чуть вытянула руку вдоль стекла. Ничего не изменилось. Эдуард уже проверял здесь связь, и она прекрасно это помнила, но знание не помогало спокойно положить телефон обратно. Пока он находился в руке, казалось, что между ними остаётся хотя бы какая-то возможность поговорить.

Ася открыла переписку с мужем и набрала: «Как вы там? Дождь начинается». Несколько секунд смотрела на написанное, затем нажала отправку. Сообщение осталось ждать связи. Она подумала, что оно уйдёт, когда Эдуард принесёт её телефон вниз, и ей станет смешно от этой

ненужной попытки торопить людей, которые уже шли за ней. Представить будущий смех было приятно. Ася убрала аппарат на стол экраном вверх, чтобы сразу заметить, если что-нибудь изменится.

Дождь усиливался постепенно. Вначале она ещё различала отдельные удары по крыше, потом они слились в ровный шум. В окне потянулись тонкие струйки, одна задержалась на засохшем пятне и ушла в сторону. Ася следила за ней, пока струйка не исчезла за рамой. Теперь возвращаться к базе будет неприятно всем. Она представила мокрые плечи Эдуарда, потемневшие рукава работников, грязь на полу машины и почувствовала очередной прилив вины. Из-за её неловкости людям придётся проводить последний спокойный вечер под дождём.

Когда обещанные два часа закончились, Ася посмотрела на телефон и некоторое время держала его в ладони. Семнадцать сорок пять. Эдуард сказал «часа два», а это, конечно, не означало, что он должен появиться ровно в ту же минуту. Надо было найти людей, выехать, подняться. Возможно, кто-то ушёл в другую часть базы или Пётр занимался машиной. Ася решила подождать ещё пятнадцать минут и больше не смотреть на экран. Она положила телефон рядом с бутылкой, отвернулась к окну и почти сразу снова потянулась за ним.

Ей захотелось увидеть тропу. С лавки был виден только небольшой участок склона между деревьями, а дверь смотрела в другую сторону. Ася осторожно опустила ногу, подержала её на весу, затем поставила пятку на пол. Боль тут же стала сильнее. Она стиснула зубы, подвинулась к краю лавки и встала, опираясь ладонью на стол. До двери было всего несколько шагов, но каждый приходилось обдумывать заранее: куда поставить здоровую ногу, где удержаться, как повернуться, чтобы случайно не перенести вес на повреждённую.

Возле порога Ася остановилась перевести дыхание. Ладони стали влажными, кофта неожиданно показалась слишком тёплой, хотя от двери тянуло холодом. Она сдвинула задвижку и потянула створку на себя. В домик ворвался запах мокрой земли. Снаружи дождь шумел заметно громче, чем слышалось через стены, и Ася сразу поняла, почему могла не услышать приближающихся людей. Она наклонилась немного вперёд, держась за дверной косяк, и посмотрела в сторону тропы.

Никого не было. Камни возле укрытия потемнели и блестели под водой; дальше, между стволами, тропа уходила вниз, но теперь различить её было сложнее. Ася поискала глазами знакомую ветровку. Эдуард должен был появиться со стороны поворота, сначала пройти мимо двух близко стоящих деревьев, потом подняться к домику. Она помнила этот путь по тому, как они сами добрались сюда. Несколько минут назад представляла возвращение мужа так ясно, что сейчас пустое место возле деревьев казалось неправильным.

- Эдик! — позвала она, стараясь перекричать дождь. Голос прозвучал неожиданно тонко, и Ася прочистила горло, прежде чем повторить имя. Она подождала ответа, но услышала только воду и шорох листвы. — Я здесь! Если вы уже рядом, отзовитесь!

Никто не ответил. Ася постояла ещё немного, пока вода не начала попадать на рукав, и вернулась внутрь. Закрывая дверь, она едва не наступила на больную ногу всем весом. Пришлось замереть, прижаться плечом к дереву и подождать, пока первый резкий приступ отступит. Теперь возможность самостоятельно выйти на тропу перестала выглядеть хоть сколько-нибудь реальной. Даже путь от лавки до порога оказался тяжёлым, а снаружи нужно было спускаться по мокрым камням.

Вернувшись на место, Ася долго устраивала ногу на рюкзаке. Припухшая щиколотка болезненно пульсировала, и ей никак не удавалось найти прежнее положение. Она передвигала рюкзак, поддерживала голень руками, потом раздражённо выдохнула и оставила всё как получилось. Телефон показывал начало седьмого. Отсутствие Эдуарда уже нельзя было объяснить несколькими лишними минутами, но Ася всё ещё пыталась найти обычную причину задержки. Машина могла не завестись. Работники могли медленно идти. Муж мог решить взять что-нибудь ещё и вернуться за этим в помещение базы.

Она вспомнила, что ему пришлось бы сначала спуститься одному. Без неё он шёл быстро, но и спешить любил. На сложных участках Эдуард иногда переставал смотреть под ноги так внимательно, как требовал от других: слишком хорошо знал маршрут, слишком часто проходил по одним и тем же местам. Ася прежде почти не думала об этом. Рядом с ним дорога всегда казалась надёжной, потому что муж заранее говорил, где осторожнее и за какой камень лучше взяться. Сейчас она представила его одного на тропе и почувствовала неприятный холод под рёбрами.

Когда-то Эдуард рассказывал, как человек на простом спуске неудачно поставил ногу и упал. История звучала у них за столом, между другими случаями, и муж говорил о ней без особого волнения: объяснял, почему нельзя расслабляться на последнем участке. Ася тогда слушала вполуха, собирая тарелки. Теперь никак не могла вспомнить, чем всё закончилось. Поднялся тот человек сам или за ним пришлось возвращаться? Эдуард, кажется, говорил, что падение произошло возле камней, с которых никто не ожидал опасности.

Ася снова позвонила. Вызов не прошёл, и она с неожиданной злостью посмотрела на телефон, словно аппарат мог исправить то, для чего не было связи. Потом открыла сообщение, которое написала раньше. Оно всё ещё ждало отправки. Ася добавила второе: «Ты где? У тебя всё нормально?» Пальцы двигались быстро, буквы несколько раз получились неправильными. Она исправила их и нажала кнопку, хотя прекрасно знала, что сейчас произойдёт.

За окном стало темнее. Дождь скрывал дальние стволы, а в промежутках между ними уже не оставалось светлых пятен. Ася посмотрела на дверь и вдруг подумала, что Эдуард мог спускаться за помощью дольше, чем рассчитывал. Она сама задержала их возле укрытия: сначала не соглашалась остаться, потом пыталась встать, потом задавала вопросы. Пока он осматривал ногу и раскладывал вещи, время продолжало идти. Если бы Ася сразу перестала спорить, он вышел бы раньше. Эта мысль была несправедливой, но избавиться от неё не удавалось.

Она представила, как муж возвращается с людьми под дождём, оглядывается на них, объясняет, где обойти камень, и сам в этот момент ставит ногу на скользкую поверхность. Ася резко закрыла глаза. Изображение возникло слишком легко: рывок тела, рука, не успевшая найти опору, знакомое лицо, на котором исчезла уверенность. Ей стало плохо от собственной фантазии. Она открыла глаза, взяла бутылку и сделала глоток, но вода не помогла.

Теперь ей хотелось выйти снова. Надо было хотя бы позвать, хотя бы попытаться услышать ответ, если он находился недалеко. Ася взялась за край стола, поднялась и на этот раз двигалась медленнее. Боль мешала не только идти, но и думать: приходилось всё внимание отдавать тому, как удержать тело, не уронить телефон и добраться до двери. Когда она открыла её, ветер сразу толкнул створку обратно. Ася прижала дерево плечом и посмотрела в сумерки.

- Эдуард! — крикнула она. Имя вышло громче, чем раньше, но дождь почти сразу его поглотил. Ася прислушалась, стараясь уловить человеческий голос среди шума воды, затем позвала ещё раз. — Если ты меня слышишь, ответь! Эдик!

Она задержалась у порога дольше, чем следовало. По краю крыши стекала вода, капли попадали на волосы и щёку, а телефон холодил ладонь. Ася подняла его, посмотрела на экран и снова попыталась набрать номер. Ей хотелось услышать хотя бы начало вызова, понять, что между ними появилось соединение. Но аппарат опять отказался звонить. Она вытянула руку чуть дальше из-под крыши, подержала её так несколько секунд и опустила. Пальцы начали мёрзнуть, а связи по-прежнему не было.

На тропе почти ничего нельзя было разглядеть. Ближний камень ещё выделялся мокрым блеском, дальше очертания сливались. Ася попыталась представить, как сделает первый шаг наружу, затем второй. Если удастся добраться до поворота, можно будет позвать оттуда. Однако уже при попытке переставить ногу к порогу боль заставила её согнуться. Она стояла, держась за косяк, и смотрела вниз на собственную ступню. Сходить даже до ближайших деревьев сейчас означало рискнуть упасть ещё раз и остаться под дождём.

Ася вернулась на лавку, с трудом закрыв за собой дверь. Некоторое время она сидела согнувшись, положив ладони на колени, и слушала своё дыхание. Ей хотелось плакать от злости на тело, которое подвело сначала на тропе, а теперь не позволяло ничего сделать. Эдуард просил ждать здесь. Он знал, что ей тяжело идти, и должен был вернуться. Ася подняла голову и посмотрела на дверь, как будто муж ещё мог войти и оборвать все эти мысли одним недовольным замечанием.

Она уже согласилась бы на его раздражение. Пусть скажет, что она слишком много переживает, что дождь задержал их, что нельзя требовать от людей точности до минуты. Ася выслушала бы, позволила помочь себе, добралась бы до машины и только потом сказала, как испугалась. Сейчас ей хотелось увидеть его лицо и убедиться, что оно целое, что он стоит на ногах, может говорить и держать её за руку. Всё, из-за чего она обижалась на него последние дни, отодвинулось куда-то далеко.

Ася подтянула кофту к подбородку и прижала ладони к ткани. Когда Эдуард застёгивал на ней молнию, он стоял совсем близко. Она могла бы удержать его ещё на минуту, попросить не торопиться, напомнить о мокрых камнях внизу. Вместо этого благодарила, извинялась и радовалась, что он снова занят ею. В памяти остался его поцелуй в лоб. Ася попыталась вспомнить, не выглядел ли муж слишком уставшим, но видела только привычное лицо, которое казалось ей спокойным и надёжным.

Снаружи что-то глухо ударило. Ася выпрямилась и задержала дыхание. Звук больше не повторился, однако она продолжала смотреть на дверь, ожидая шагов. Через несколько секунд ветер задел ветку возле крыши, и раздался уже знакомый скребущий шум. Возможно, упало что-то с дерева. Ася медленно выпустила воздух и заметила, что всё это время держала телефон так крепко, что заболели пальцы.

Она открыла переписку и набрала ещё несколько слов: «Пожалуйста, скажи, что с тобой всё хорошо». Сообщение встало рядом с двумя предыдущими, тоже неотправленное. Ася оставила экран включённым, положила телефон возле руки и повернулась к двери. За окном окончательно исчезли очертания дальних деревьев, дождь стучал по крыше, а мужа всё не было. Она уже почти перестала ждать, что сейчас придут люди и помогут ей спуститься. Ей хотелось, чтобы вошёл хотя бы один Эдуард — мокрый, сердитый, задержавшийся, но живой.

Глава 2. Ночь, в которую я боялась за тебя

Ася подтянула к себе рюкзак и попыталась положить на него больную ногу. Лавка была слишком узкой: стоило повернуться, как плечо упиралось в стену, а стопа начинала съезжать с мягкого, неровного бока рюкзака. Она придержала её рукой, осторожно передвинула ближе к середине и некоторое время сидела согнувшись, ожидая, когда утихнет боль. Под крышей часто и тяжело стучали капли. Вода собиралась где-то над дверью и срывалась вниз целыми струями, так что временами Асе казалось, будто кто-то стоит снаружи и стряхивает дождь с одежды.

Она натянула оставленную Эдуардом кофту поверх своей, застегнула куртку до подбородка и спрятала руки в рукава. Кофта ещё сохраняла знакомый запах, который она почувствовала, когда ворот коснулся лица. Дома ей случалось брать её по вечерам, если муж оставлял вещь на спинке стула, и потом слушать ворчание о том, что его одежду опять приходится искать по всему дому. Сейчас Ася с удовольствием выслушала бы это ворчание. Она даже представила, как он войдёт, увидит её с поднятым воротом и скажет, что всё-таки оказался прав, когда советовал взять побольше тёплого.

Телефон лежал рядом, экраном вверх. Ася нажала на кнопку и посмотрела на время, хотя после последней проверки прошло совсем немного. Обещанные два часа давно закончились, но она всё ещё пыталась прибавлять к ним что-нибудь: дорогу до людей, поиски машины, разговор с теми, кто согласится подняться. Эдуард мог встретить кого-то на базе, мог задержаться у водителя, мог решить сначала привезти помощь, а потом уже звонить. Каждое такое объяснение ненадолго позволяло сидеть спокойно, пока очередной звук снаружи не заставлял её поднять голову.

Она открыла их переписку. Последнее сообщение было отправлено ещё до прогулки, когда Ася спрашивала, скоро ли он освободится, а Эдуард ответил, что уже идёт. Теперь под набранным ею вопросом о том, где он находится, оставалась отметка об ожидании отправки. Ася посмотрела на неё, стёрла начатое второе сообщение и снова убрала телефон. Если связь появится, он увидит первое. Ей хотелось верить, что ответ придёт сразу, с привычным коротким объяснением, после которого она почувствует себя глупо и начнёт злиться на собственную тревогу.

Боль в щиколотке постепенно изменилась. Раньше она резко простреливала при каждом движении, а теперь держалась постоянно, тяжёлая и горячая, словно тесный ботинок продолжал сжимать ногу даже после того, как Ася ослабила шнуровку. Она попробовала пошевелить пальцами и с облегчением почувствовала, что это удаётся. Потом осторожно провела рукой по голени и поправила край брюк, который собрался над обувью. Ей хотелось снять ботинок, но одна мысль о том, что придётся тянуть его с опухшей ноги, заставила оставить всё как есть.

В рюкзаке лежала еда. Ася достала свёрток, раскрыла его на коленях и отломила небольшой кусок, потому что с дневного привала почти ничего не ела. Жевать оказалось трудно: пересохший рот будто отказывался принимать пищу. Она сделала несколько глотков воды, закрыла бутылку и поставила её у стены, чтобы случайно не опрокинуть. Когда Эдуард оставлял всё это, его движения были такими уверенными, что она успокоилась. Он проверил, хватит ли ей воды, положил еду поближе и ещё раз велел беречь ногу. Ася смотрела на его руки и думала, что через несколько часов они будут вспоминать эту неприятность уже в тепле.

Снаружи что-то глухо ударило по дереву. Она сразу выпрямилась, забыв о ноге, и прислушалась так напряжённо, что перестала замечать дождь. Следом раздался ещё один удар, чуть тише, потом короткое царапанье. Ася спустила здоровую ногу с лавки и ухватилась за край доски. Сердце забилось быстрее: ей послышалось, будто кто-то возится у входа, не может справиться с дверью или остановился, чтобы перевести дыхание.

- Эдик, это ты? — позвала она, подавшись вперёд. Собственный голос прозвучал хрипло и неожиданно слабо, поэтому Ася сглотнула и повторила громче. — Я здесь. Дверь открывается, только её, кажется, ветром прижало. Подожди, я сейчас помогу.

Она поднялась, держась за стену, и сразу почувствовала, как боль потянулась выше щиколотки. Несколько коротких шагов до двери пришлось сделать боком, перенося вес на здоровую ногу и хватаясь за всё, до чего удавалось дотянуться. Когда Ася отворила дверь, в лицо ударили холодные капли. За порогом было темно. Ветка, пригнутая ветром, скребла по краю крыши и время от времени стукалась о стену; под ней блестела вода, стекавшая по камням.

Ася некоторое время продолжала смотреть наружу. Ей казалось, что Эдуард мог находиться чуть дальше, за тем участком, который выхватывал свет телефона, и сейчас ответит, услышав её голос. Она позвала ещё раз, затем замолчала, стараясь различить хоть что-нибудь среди шума. По тропе бежала вода. Луч дрожал в её руке, выхватывая мокрую землю, камни и низкие ветви, а дальше всё сливалось в сплошную темноту. Ася закрыла дверь и прислонилась к ней лбом, прежде чем повернуться к лавке.

Обратные несколько шагов дались хуже. Она уже успела остыть, пока стояла у входа, а нога после движения разболелась сильнее. Сев, Ася долго подтягивала её к себе, придерживая под коленом, потом снова устроила на рюкзаке. Руки дрожали. Пришлось зажать их между коленями и посидеть так, пока удавалось хотя бы ровно дышать. За дверью опять ударила ветка, но теперь она знала этот звук и только повернула голову в ту сторону.

Эдуард много раз рассказывал о людях, которых приходилось искать в горах. Обычно это случалось за общим столом, после возвращения группы, когда остальные уже расслаблялись, а он ещё оставался в том собранном состоянии, которое так нравилось Асе. В его рассказах люди теряли тропу, спускались в неверную сторону, пробовали срезать путь и оказывались там, откуда уже не могли выбраться самостоятельно. Он объяснял, что знакомый маршрут тоже требует внимания. Ася слушала, иногда задавала вопросы, и всё это казалось ей частью его работы, о которой она знала меньше, чем хотелось бы.

Теперь вспомнился мужчина, поскользнувшийся на мокром камне. Эдуард говорил, что падение получилось совсем коротким, но человек ударился так неудачно, что долго не мог подняться. Кажется, его нашли по голосу. Ася попыталась вспомнить подробности и вдруг представила вместо незнакомого мужчины своего мужа: тёмная куртка на сырой земле, рука, которой он пытается за что-нибудь ухватиться, мокрые волосы возле виска. Она подняла телефон, словно изображение на экране могло вытеснить то, что уже стояло перед глазами, и снова набрала его номер.

Соединения не было. Ася посмотрела на надпись, дождалась, пока экран погаснет, и прижала телефон к груди. Она знала, что Эдуард умеет ходить по таким тропам, что много лет водит людей и замечает опасные места раньше остальных. Но ведь он ушёл один. Он мог торопиться, потому что обещал вернуться за ней до темноты, мог выбрать путь покороче, мог неправильно поставить ногу на тот самый камень, который днём спокойно прошёл вместе с ней.

Она попробовала мысленно пройти за ним от двери. Вот он поправляет лямку, поворачивается, говорит, чтобы она сидела спокойно и никуда не выходила. Потом уходит вниз, и ещё некоторое время слышно, как под подошвами сдвигаются мелкие камни. Ася помнила, что тогда попросила его быть осторожнее. Он оглянулся с лёгкой улыбкой, которой обычно отвечал на её излишнее беспокойство, и махнул рукой. Нужно было задержать его ещё на минуту, спросить, каким путём пойдёт, договориться, что делать, если не получится вернуться вовремя. Эта минута теперь представлялась ей важной, хотя она совершенно не понимала, что именно могла бы изменить.

Прогулку попросила она. Эдуард несколько дней был занят людьми, разговорами, чужими планами, и Ася ждала, когда они наконец останутся вдвоём. Утром она напомнила ему об обещании, потом ещё раз спросила, точно ли они пойдут. Ей хотелось пройтись, посмот-

реть на горы, пообедать где-нибудь по дороге и провести с мужем хотя бы несколько часов, за которые его никто не позовёт решать очередной вопрос. Теперь она вспоминала собственную настойчивость и чувствовала стыд. Он мог остаться на базе, заниматься своими делами, а она могла спокойно дождаться вечера.

Ася понимала, что травму получила случайно. Она даже попыталась произнести это вслух, когда в очередной раз поправляла ногу, но слова не помогли. Перед глазами всё равно возникал Эдуард на склоне. Если он пострадал, пока спускался за помощью, то никто на базе мог и не знать, куда они ушли и почему не вернулись. Эта мысль заставила её снова посмотреть на дверь. Несколько метров до порога уже отняли столько сил, что о попытке идти вниз в темноте нечего было думать.

Она легла боком, подложив ладонь под щёку. Доски давили на бедро, плечо почти сразу затекло, а больную ногу пришлось вытянуть так осторожно, словно от одного неловкого движения зависело всё оставшееся терпение. Ася натянула куртку ниже, прикрыла колени и закрыла глаза. Она решила, что попробует хотя бы немного поспать: если Эдуард вернётся, его шаги и голос разбудят её. Дождь временами становился тише, и в эти короткие промежутки ей удавалось провалиться в тяжёлую дремоту.

Во сне муж стоял возле лавки и сердился. Ася не могла разобрать, что именно он говорит, только видела знакомое движение рта и руку, которой он показывал куда-то за дверь. Она хотела объяснить, что совсем не собиралась доставлять ему столько хлопот, но не успела. Щиколотку пронзило болью, и Ася открыла глаза. Ладонь затекла под щекой, телефон упирался в бок, а дверь оставалась закрытой. Несколько мгновений она продолжала ждать, что Эдуард заговорит, прежде чем окончательно поняла, где находится.

После этой дремоты холод стал ощутимее. Ася села, растёрла руки и долго пыталась согреть пальцы дыханием. Ей захотелось горячего чая с такой силой, что вспомнилась столовая на базе: чайник возле стены, чашки с толстыми ручками, влажное тепло у окна. Где-то там сейчас находились люди. Они разговаривали, убирали посуду, расходились по комнатам, и никто из них не мог услышать, как она зовёт мужа. Ася сделала ещё один глоток воды и закрыла бутылку, стараясь не думать о расстоянии между этой лавкой и столовой.

В телефоне оставалось меньше заряда. Она убавила яркость, проверила, появилось ли соединение, и набрала номер экстренной помощи. Попытка закончилась так же, как звонки Эдуарду. Ася повторила её, подержав телефон ближе к двери, потом всё-таки убрала в карман. Ей нужно было сохранить возможность позвонить утром. Мысль о рассвете впервые приобрела конкретность: станет видно тропу, можно будет выйти хотя бы на несколько шагов дальше и поискать место, где телефон соединится.

Ночь тянулась неровно. Иногда Ася была уверена, что прошло очень много времени, но экран показывал всего несколько новых минут; иногда она закрывала глаза и обнаруживала, что потеряла почти полчаса. Дождь то усиливался, то превращался в частое шуршание. Один раз совсем близко раздался хруст, и она опять позвала Эдуарда, приподнявшись на лавке. Ответа не было. Ася осталась сидеть, положив ладонь на рюкзак, и постепенно почувствовала, что пальцы сами сминают ткань.

Ей хотелось, чтобы он вернулся сердитым. Пусть скажет, что она зря подняла панику, что дорога заняла больше времени, что ему пришлось искать людей. Ася представляла, как кивает, пока он помогает ей спустить ногу с лавки, и обещает больше не спорить по пустякам. Все недавние обиды вспоминались теперь с неприятной ясностью: она считала, сколько вечеров он провёл с другими, раздражалась, когда он отвечал ей, продолжая смотреть в телефон, ждала внимания, которое он отдавал работе. Она готова была выслушать любые объяснения, только бы услышать его живой голос.

К утру Ася почти перестала пытаться лечь. Каждая перемена положения отнимала силы, а сон всё равно обрывался болью или очередным звуком. Она сидела, прислонившись к стене,

и смотрела на щель под дверью. Когда темнота в ней начала понемногу редеть, Ася сначала решила, что ей показалось. Потом различила край лавки, собственную ладонь и светлый свёрток с едой. Она наклонилась вперёд, прислушалась и поняла, что дождь закончился, хотя с крыши ещё продолжало капать.

Дверь открылась с трудом. Ася удерживала её плечом, пока переставляла здоровую ногу через порог, затем ухватилась за косяк и посмотрела наружу. Мокрая тропа была пустой. Ниже лежали деревья, за ними проступал склон, а над ним висел серый утренний туман. Теперь Ася видела, насколько далеко вчера доходил свет её телефона: совсем немного, до ближайших камней. Дальше начинался участок, который ночью казался ей сплошным провалом.

Неподалёку, чуть в стороне от тропы, находился открытый каменистый выступ. Его отделяла от укрытия небольшая полоса земли с редкой травой, и Ася могла проследить весь путь до него. Она посмотрела на телефон, потом снова туда. Там не было крыши над головой и ветвей, за которыми терялось небо. Может быть, оттуда получится дозвониться. До выступа оставалось достаточно близко, чтобы всё время видеть дверь укрытия, и Ася решила попробовать.

У стены лежала длинная ветка. Она заметила её ещё у порога, но теперь наклонилась, придерживаясь за косяк, и подтянула к себе. Пришлось обломать тонкий конец, затем несколько раз надавить на другой, проверяя, выдержит ли он её вес. Палка получилась неудобной, с выступом под ладонью, зато позволяла опереться прежде, чем переставить ногу. Ася вернулась к лавке, убрала телефон в застёгивающийся карман и надела рюкзак. Оставлять его здесь ей не хотелось: если помощь придёт, она собиралась сразу уходить.

Первые шаги заставили усомниться в этой затее. Палка скользнула по мокрому камню, и Ася резко качнулась, схватившись свободной рукой за стену. Боль отдала в голень, перед глазами на мгновение стало светлее. Она остановилась, подождала, затем переставила палку на землю и попробовала снова. Теперь приходилось двигаться медленно, сначала проверяя опору, потом переносить вес и только после этого подтягивать повреждённую ногу. Ася смотрела под ноги так внимательно, что почти перестала замечать всё остальное.

Посередине пути она присела на большой камень. Рюкзак потянул назад, пришлось снять одну лямку и удержать его сбоку, чтобы удобнее устроиться. Ася вытерла ладонь о брюки, посмотрела на дверь и неожиданно почувствовала раздражение от собственной медлительности. До выступа было совсем недалеко, обычным шагом она дошла бы туда за минуту. Сейчас каждый метр требовал остановки, а впереди ещё предстояло найти связь. Она посидела, пока дыхание стало ровнее, и поднялась, крепко зажав палку.

На выступе дул ветер. Ася выбрала место подальше от края, села на сухую часть камня и достала телефон. Экран отозвался не сразу, и эти несколько мгновений заставили её сжать зубы. Потом появились знакомые значки. Она набрала номер, услышала короткий звук и замерла, не решаясь даже поправить руку. Соединение оборвалось. Ася посмотрела на дисплей, чуть повернулась и повторила попытку, стараясь держать телефон в том же положении, в котором он только что начал звонить.

Когда ей ответили, она заговорила слишком быстро. Собственное имя, укрытие, нога, муж — всё смешалось, и Ася остановилась только после спокойной просьбы говорить по порядку. Она упёрлась ладонью в камень, почувствовала под пальцами холодную шероховатую поверхность и заставила себя сделать вдох. Человек на другом конце линии оставался с ней. Это простое обстоятельство оказалось таким важным, что голос у неё дрогнул ещё сильнее.

- Я в горном укрытии, — сказала Ася, назвав базу, откуда они вышли накануне. Она посмотрела в сторону тропы, словно там можно было увидеть остальные сведения, которые требовались собеседнице. — Мы гуляли с мужем, я повредила ногу. Наступить почти не могу. Он вчера ушёл вниз за помощью и до сих пор не вернулся. Пожалуйста, нужно найти его тоже.

Собеседница задала несколько вопросов. Ася отвечала, иногда переспрашивала, потому что ветер мешал слышать, и старалась удерживать телефон возле уха, хотя рука уже начала

уставать. Она объяснила, где находится укрытие, что видела по дороге и в какую сторону ушёл Эдуард. По просьбе женщины посмотрела местоположение в телефоне и прочитала то, что появилось на экране. Пока переходила обратно к разговору, связь затихла, и Ася успела испугаться, что потеряла её окончательно. Но голос снова прозвучал, попросив подтвердить последние цифры.

- Он собирался вернуться до темноты, — добавила она, когда вопросы о месте закончились. Ася наклонилась ниже, пряча лицо от ветра, и прижала телефон плотнее. — Примерно через два часа. Я всю ночь ждала. Он знает маршрут, но вчера шёл дождь, и я боюсь, что он упал или... Я не знаю. Только, пожалуйста, проверьте дорогу вниз.

Женщина уточнила имя мужа и попросила Асю оставаться возле укрытия. Дальше прозвучали слова о переданном вызове, о людях, которые будут её искать, о том, что самостоятельно спускаться не следует. Ася несколько раз подтвердила, что поняла. Ей хотелось ещё раз объяснить, насколько важно найти Эдуарда, но она боялась помешать и потерять соединение, пока повторяет уже сказанное. Перед окончанием разговора она только спросила, нужно ли оставаться на выступе, и получила разрешение вернуться под крышу, если сможет сделать это безопасно.

После звонка Ася долго смотрела на экран. Она дождалась, пока снова появится возможность соединиться, и набрала мужа, но вызов не прошёл. Тогда убрала телефон и осторожно поднялась. Обратно идти было немного легче, потому что теперь она знала, где палка держится надёжнее и возле какого камня можно остановиться. У двери пришлось повозиться с рюкзаком, который зацепился за косяк, а потом Ася наконец села на лавку и почувствовала, что всё тело дрожит от короткого выхода.

Теперь ждать было иначе. Ася знала, что о ней услышали, и всё время прислушивалась к тропе, стараясь различить голоса. Она сделала несколько глотков воды, съела ещё немного и положила телефон рядом. Щиколотка после ходьбы ныла сильнее, но хотя бы больше не требовалось думать, как добраться до связи. Кто-то уже выяснял, где она находится. Кто-то мог спросить на базе об Эдуарде и пойти ему навстречу.

От этой мысли Ася впервые позволила себе заплакать. До сих пор она всё время что-нибудь делала: поправляла ногу, проверяла телефон, подходила к двери, старалась согреться. Теперь закрыла лицо ладонями и некоторое время сидела так, чувствуя, как слёзы собираются у подбородка и попадают на ворот. Ей было жалко себя, болела нога, хотелось домой. Но сильнее всего хотелось, чтобы человек, которому передали имя Эдуарда, нашёл его и сообщил, что с ним всё хорошо.

Голоса она услышала, когда уже перестала следить за временем. Сначала решила, что снова ошиблась: ветер доносил звуки неровно, между ними шумели мокрые ветви. Потом возле двери отчётливо хрустнул камень, и кто-то позвал её по имени. Ася выпрямилась, потянулась к краю лавки и ответила громче, чем собиралась. В дверях появился мужчина в яркой куртке, за ним — второй, с большим рюкзаком. Оба были мокрыми от травы и ветвей.

- Анастасия? — спросил первый, уже входя внутрь. Она кивнула, а он поставил рядом свои вещи и присел так, чтобы видеть её лицо. — Мы к вам. Пока сидите, сейчас посмотрим, как удобнее вас отсюда забрать. Вы после звонка никуда дальше неходили?

Ася покачала головой и указала в сторону выступа. Она начала объяснять, как выбиралась туда, но мужчина спокойно остановил её, сказав, что это уже известно. Второй подвинул рюкзак, помог удобнее положить ногу и спросил, где именно болит. Когда его пальцы коснулись края ботинка, Ася невольно отдёрнулась. Он сразу ослабил движение, предупредил, что будет осторожнее, и предложил ей опереться спиной о стену.

- А Эдуарда нашли? — спросила она, пока первый спасатель доставал из рюкзака нужные вещи. Ася перевела взгляд с одного мужчины на другого и почувствовала, что опять начинает

торопиться. — Мужа моего. Я сказала по телефону, что он тоже может быть здесь, где-то ниже. Он ушёл вчера за помощью.

Мужчина уточнил, куда именно тот направлялся. Ася повторила всё, что знала, и показала тропу, хотя дверь с её места была видна лишь наполовину. Спасатель выслушал, затем сообщил, что сведения переданы и на базе выясняют, вернулся ли её муж. Больше он пока ничего сказать не мог. Ася вцепилась пальцами в край лавки и кивнула. Ей хотелось получить ответ сразу, но мужчина уже занимался её ногой, а второй вышел к двери, чтобы поговорить со своими.

Подниматься оказалось страшнее, чем утром. Пока Ася сидела, ей казалось, что она снова сможет сделать несколько шагов сама, но стоило поставить ногу ниже, как всё тело напряглось от ожидания боли. Спасатель поддержал её под локоть, дал время привыкнуть к новому положению и объяснил, как они будут двигаться. До участка дороги, куда могла подъехать машина, предстояло спуститься по тропе. Ася посмотрела за дверь и покорно согласилась с тем, что одной ей этот путь не пройти.

Дальше она запомнила отдельные движения и остановки. Рука на её спине, мокрый рукав возле щеки, камень, который пришлось обойти, короткое предупреждение перед неровным участком. Мужчины помогали так уверенно, что Ася постепенно перестала пытаться угадывать каждый следующий шаг. Когда боль усиливалась, они останавливались и давали ей передохнуть. Её рюкзак нёс один из спасателей, и от отсутствия привычной тяжести за плечами она чувствовала себя странно лёгкой, хотя ноги и спина были совершенно измучены.

Склон выглядел знакомым и одновременно чужим. Вчера Ася останавливалась здесь, чтобы посмотреть между деревьями, спрашивала Эдуарда о дороге и думала, как хорошо было всё-таки выбраться вдвоём. Теперь она старалась видеть только то место, куда её помогали переставить. Иногда взгляд всё равно уходил в сторону: между стволами лежали тёмные камни, трава была примята водой, внизу что-то поблёскивало. Каждый такой участок заставлял вспоминать о муже. Она несколько раз собиралась спросить снова, но ждала, пока они остановятся, чтобы не мешать.

У дороги Ася сначала стала искать его глазами. Там уже можно было стоять на ровной земле, и ей показалось, что Эдуард должен оказаться совсем близко: выйти из-за машины, подойти от поворота, махнуть рукой. Но машины ещё не было. Один спасатель помог ей сесть на широкое устойчивое место у края дороги, второй проверил сообщение в телефоне и сказал, что с базы прислали водителя. Ася прижала ладони к коленям и посмотрела вдоль дороги, стараясь различить движение между деревьями.

Ожидание оказалось коротким. Из-за поворота показалась машина, замедлилась возле них и остановилась так, чтобы Асе было удобнее сесть. Водитель вышел, увидел её и сразу нахмурился. Она узнала Петра: он уже возил людей с базы, помогал с сумками и однажды терпеливо ждал возле магазина, пока Эдуард разговаривал с кем-то по телефону. Пётр поздоровался, открыл дверь и быстро убрал с сиденья несколько вещей, переложив их вперёд.

- Осторожнее, здесь порог высокий, — сказал он, придерживая дверь, пока спасатель помогал ей устроиться. Ася ухватилась за ручку внутри и попыталась подтянуться, но движение вышло неловким. Пётр подался ближе, подставил руку и дождался, когда она сядет. — Ногу пока не тяните. Мы её отдельно, потихоньку. Я сиденье отодвину, места побольше будет.

В салоне пахло влажной обивкой и чем-то тёплым, знакомым по обычным поездкам. Ася опустилась на сиденье и неожиданно почувствовала, что больше не может удерживать голову прямо. Она прислонилась к спинке, закрыла глаза и услышала, как рядом укладывают рюкзак. Мужчины обсуждали дорогу и то, куда её нужно отвезти на осмотр. Слова доходили до неё обрывками. Только когда спасатель наклонился к открытой двери и спросил, как она себя чувствует, Ася заставила себя посмотреть на него.

Она ответила, что лучше, и поблагодарила. Голос опять дрогнул, но на этот раз от облегчения: ей больше не требовалось думать о каждом движении и следить за тем, чтобы не упасть. Пётр завёл двигатель, включил тепло и проверил, удобно ли лежит её нога. Спасатель ещё раз напомнил о том, что необходимо показаться врачу, затем отошёл. Ася посмотрела через окно на яркую куртку и вдруг вспомнила, что перед посадкой так и не получила ответа на свой главный вопрос.

- Пётр, а на базе про мужа что-нибудь узнали? — спросила она, когда он уже сел за руль. Водитель повернулся, не успев тронуться с места, а Ася сжала пальцы на ремне. — Про Эдуарда. Он вчера ушёл за помощью и пропал. Спасатели сказали, что там выясняют. Мне нужно знать, его нашли или ещё ищут.

Пётр посмотрел на неё с явным недоумением. Ася видела его лицо в повороте, тяжёлую складку между бровями, руку, которая так и осталась возле руля. Он открыл рот, затем снова посмотрел на её ногу и на рюкзак. Эта заминка напугала её сильнее, чем все осторожные ответы спасателей. Она подалась вперёд, хотя движение отозвалось болью, и повторила имя мужа.

- Эдуарда? — переспросил Пётр, теперь повернувшись к ней полностью. Ася кивнула, и он медленно провёл ладонью по подбородку. — Так я его видел. Вчера вечером на базе, возле столовой. И сегодня утром тоже. Перед тем как за вами выехать.

Ася почувствовала, как воздух свободно вошёл в грудь. Она даже не сразу поняла, что до этого задерживала дыхание. Эдуард был жив. Он дошёл, его видели, он находился среди людей. Она прижала ладонь ко рту, попыталась что-нибудь сказать и только кивнула несколько раз, пока Пётр продолжал смотреть на неё. Перед глазами снова возник склон, на котором она всю ночь представляла мужа, но теперь можно было перестать всматриваться в мокрые камни.

- Сегодня утром? — уточнила она наконец. Пётр подтвердил, и Ася медленно опустила руку. — Вы точно его видели? С ним всё нормально было? Он сам ходил?

- Конечно, сам, — ответил водитель. Он говорил осторожнее, чем несколько мгновений назад, словно теперь тоже пытался разобраться в том, что услышал. — У столовой стоял, с кружкой. Мы поздоровались. Я тогда с машиной возился, потом пошёл за ключами. Про вас мне позже сказали, попросили подъехать сюда и отвезти к врачу.

Ася посмотрела на него, не понимая. Кружка почему-то сразу представилась очень ясно: толстая ручка, горячий чай, Эдуард держит её возле груди и разговаривает, пока остывает напиток. Она знала, как он стоит по утрам, ещё немного сонный, как щурится от света и делает первый глоток. Ася перевела взгляд на свои руки. Кожа на пальцах была сморщенной от сырости, под одним ногтем темнела земля, которую она набрала, пока держалась за камень на выступе.

- А вчера он когда пришёл? — спросила она. Пётр слегка пожал плечами, и Ася поспешила пояснить, хотя сама ещё не понимала, какое время ей нужно услышать. — Вы сказали, что видели его вечером. Он заходил в столовую? Разговаривал с кем-нибудь?

- Я его у входа встретил, — ответил Пётр. Он убрал руку с руля и снова посмотрел на дорогу, потом вернулся взглядом к ней. — Мы парой слов перекинулись. Он спросил про машину на утро, я сказал, что буду на месте. Дальше я по своим делам пошёл. Что он потом делал, с кем говорил, этого я не знаю.

Ася попыталась соединить его слова с тем, что ждала услышать. Эдуард дошёл до базы, нашёл водителя, спросил про машину. Значит, он всё-таки собирался вернуться. Но Пётр сказал — на утро. Она вспомнила тёмный экран телефона, дверь, которую удерживала плечом, и ветку, стучавшую по стене. В ту ночь она много раз прибавляла к обещанным двум часам ещё немного времени, стараясь объяснить задержку. Утро в эти объяснения не помещалось.

- А за мной вчера никто не собирался ехать? — спросила она, с трудом разжав пальцы на ремне. Пётр сразу нахмурился, и Ася посмотрела ему прямо в лицо. — Он вам говорил, что я наверху, что ногу повредила? Может быть, просил кого-то другого?

- Мне не говорил, — ответил Пётр после короткой паузы. Он говорил негромко и теперь уже без прежнего удивления. — Я только за себя могу сказать. Меня вчера за вами не посылали. Про ногу узнал сегодня, когда попросили вас забрать.

Она откинулась на спинку. Нужно было спросить ещё что-нибудь, но Ася вдруг почувствовала такую усталость, что даже подобрать слова стало трудно. Пётр подождал, затем уточнил, можно ли ехать, и она кивнула. Машина медленно тронулась, покачнулась на неровности и вышла на более ровный участок. Ася придержала ногу рукой. Тепло уже начинало доходить до замёрзших пальцев, а за стеклом двигались деревья, дорога, мокрые кусты.

Эдуард мог попросить другого человека. Мог решить, что Пётр утром отвезёт их уже после спуска, мог договариваться о чём-то, чего водитель не слышал. Ася перебирала эти возможности, но каждая оставляла прежний вопрос. Он дошёл до людей ещё вечером. Она осталась на лавке, уверенная, что он вернётся, и всю ночь боялась, что где-то на склоне ему так же холодно и больно. Утром он стоял возле столовой с кружкой.

Пётр посмотрел на неё в зеркало и предложил передать на базу, куда они направляются. Ася не сразу ответила. Потом попросила обязательно сказать Эдуарду, что её забрали и везут на осмотр. Произнести это оказалось странно: ещё недавно она просила найти мужа, а теперь требовалось сообщить ему, где находится она сама. Водитель кивнул, пообещав связаться с базой на ближайшей остановке, и снова сосредоточился на дороге.

Ася достала телефон. Сообщение, которое она пыталась отправить ночью, по-прежнему оставалось на экране рядом с их вчерашним разговором. Она посмотрела на свой вопрос, затем открыла вызовы и увидела несколько безуспешных попыток дозвониться Эдуарду. Дальше начиналось утро и звонок, после которого за ней пришли. Ася провела пальцем по экрану, будто хотела найти между этими строчками что-то пропущенное, потом выключила его и положила на колени.

На повороте Пётр притормозил. Ася подняла голову и посмотрела вперёд, туда, где дорога уходила между деревьями. Она старалась вспомнить последние слова мужа у двери укрытия: как он объяснял, что нужно подождать, как обещал взять людей, как уверенно называл время. Он добрался до базы, и от этого известия ей всё ещё хотелось плакать с облегчением. Но теперь, сидя в тёплой машине и придерживая опухшую ногу, Ася никак не могла понять, почему после его возвращения за ней пришлось звонить самой.

Глава 3. Ты могла подождать до утра

В больнице Ася впервые за много часов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.